

ОБ(РЕЧЬ)ЛУЧЁННАЯ ВЕСНА

РАДИОФОБИЯ

«Рыжий лес».

Апрель 1986 года.

Дикое равнодушие властей. Мне тринадцать.
Жара. Спасаясь мороженым. Удивительно
пыльный ветер. На зубах скрипит песок. Вместе
со мной на широком плацу — лучшие школь-
ники страны. Многочасовые репетиции перво-
майского шествия.

Истинные масштабы катастрофы страна узнала
14 мая.

Опасаясь паники, праздничные демонстрации
решили не отменять.

Фаза ходячего призрака.

Объект для развития туристической зоны —

Безопасный Чернобыль —

Идиотизм и профанация.

«Ядерному взрыву нет, нет, нет!» — эту надпись
оставил неизвестный ликвидатор на покосив-
шейся школьной доске в деревне Борщёвка,
жизнь из которой ушла 3 мая 1986 года.

Битая дорога к сельскому кладбищу —
как стрелка остановленных часов —
показывает неизбежность.

Под окнами онкобольницы
поминальные свечи каштанов.
Нет, не сегодня!

Реанимационное отделение.
Ангелы в белых халатах
за семью замками
жизнь стерегут.

Пропустили
к умирающему.

И впрямь, почему мы не летаем как птицы?
Выхожу из отделения:
людской океан на первом этаже.
Иду на работу,
раздавленная тревогами
вновь поступающих.

Больничный дворик.
Робкое тремоло крокусов на клумбе
и
оглушающий запах больничного халата.
Нелепость жизни сводит с ума.

Теперь понимаю листья,
охваченные жёлтой лихорадкой:
хотят
умереть
молодыми.

В стерильных аквариумах палат
полесских робинзонов¹
застрекотали перламутровые стрекозы.
Детское воображение помогает освоить
незнакомое слово —

ЛЕЙКОЗ.

Едем домой.
42 минуты ищущий взгляд твой
в автомобильном зеркале.
Через себя, как сквозь сито,
просеиваю беспокойство
минувшего дня,
чтобы после согреться тихой радостью,
которую — вернула глазам твоим.

Наши сердца
перестали биться в согласно — и
краски дня оскудели:
Не могу, как раньше,
вдыхать радость.
Ещё одна осень останется чёрно-белой.

Припоминая жизненное правило
“не растрчивать себя на людей с пустой душой”, —
задумалась:
мудро ли
беспокоиться о пустяках.

Разве не чудачки мы в глазах Всевышнего?
Возводим дом на чёртовом камне²,
а потом,
молим о счастье,
покинувшем навсегда.

Рыжий лес³ да правдивая кукушка
молча встречают весну.

«Ядерный загар»⁴ — воздушный поцелуй смерти.

Снежная целина Зоны.⁵
Осиротевшая хата тщетно
ищет человеческий след.

И этой весной вернулись аисты
в Белый Берег.
Должен же кто-то услышать
всхлип умирающей хаты.⁶

Онкология
закружилась в белом танце.
В моей семье опять каждый третий⁷.

Постчернобыль.
КПП «Бабчин».
Пёс Стронций звонко облаял
желающих «посталкать» туристов.

На службе.

Заповедник в Зоне отчуждения.
Старые дорожные знаки —
ещё советские.
Винтаж.

¹ Аллюзия к одноимённому произведению Янки Мавра.

² Одноимённая сказка Якуба Колоса.

³ Сосновый лес между станцией и городом Припять. В ночь аварии принял удар на себя.

⁴ В первые дни трагедии по бурому цвету кожи врачи определяли наиболее пострадавших. Загар проявлялся и под одеждой, и в пасмурную погоду.

⁵ Зона отчуждения.

⁶ Единственная уцелевшая хата в деревне Белый Берег в 30-километровой зоне отчуждения. До трагедии хозяин трижды обошёл её с иконой «Неопалимая купина».

⁷ По обновлённым данным во время Великой Отечественной войны погиб каждый третий белорус.